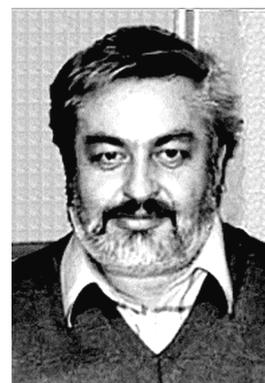

Бабушкины сказки. Фрагмент. Художник В.М. Максимов. 1867.

УДК 293.21:821.16

Штемберг А.С.

Герои русских народных сказок: кто они и почему ведут себя так, а не иначе?

Штемберг Андрей Сергеевич, доктор биологических наук, заведующий отделом экспериментальной биологии и медицины Государственного научного центра РФ – Института медико-биологических проблем Российской академии наук.

E-mail: andrei_shtemberg@mail.ru

Статья посвящена мифологическим и обрядовым корням образов героев традиционных русских сказок (Иван-царевич, Баба Яга, Кощей Бессмертный, Змей Горыныч).

Ключевые слова: русские народные сказки, сказочные герои, Иван-царевич, Баба Яга, Кощей Бессмертный, Змей Горыныч, волшебный помощник, родовой строй, матриархат, тотем, магия, царство живых и царство мертвых.

Русские народные сказки... Все мы с самого раннего детства погружались в их удивительный, ни на что не похожий и часто очень загадочный мир. С того же раннего детства мы усвоили, что сказка – выдумка, что в ней всегда побеждает добро, а зло бывает непременно наказано, и тем не менее с волнением следили за приключениями сказочных героев. Самые внимательные из тех, кто, став постарше, не перестал читать и перечитывать сказки, наверняка заметили, что все они строятся по строго определенным правилам. При всем кажущемся огромном их разнообразии сюжеты сказок все время повторяются, да и сказочные герои постоянно кочат из одной сказки в другую, правда, иногда под разными именами.

Возможно, вы заметили также и некоторые странности в поведении сказочных героев, часто противоречащие логике и здравому смыслу. Так, например, родители почему-то отсылают или уводят детей в дремучий лес на съедение какой-нибудь сказочной нечисти, Баба Яга, эта злыдня и людоедка, ни с того ни с сего помогает Ивану-царевичу, которого видит впервые в жизни, серый волк, слопав коня Ивана-царевича, вместо того, чтобы закусить им самим, вдруг начинает ему верно служить и безропотно расхлебывает все неприятности, вызванные его непослушанием... Этот перечень сказочных несоразностей (с нашей современной точки зрения) можно было бы продолжать и продолжать. Многие собиратели народных сказок замечали, что рассказчик и сам часто недоумевает по по-

воду мотивов поступков его героев, даже иногда пытается как-то их объяснить с точки зрения нашей современной логики, но, как правило, этого нельзя сделать, не нарушив основной схемы сказочного повествования. Ведь главная особенность сказки и ее отличие от других, авторских, литературных жанров состоит в том, что она отражает не личное восприятие мира рассказчиком, а то общее, что объединяет его со всеми людьми. Именно эта особенность и позволила сказке сохранить отголоски древнейших верований, обычаев и обрядов. Ведь сказки, особенно волшебные – страшно древние, они уходят корнями в первобытное общество, когда люди жили первобытнообщинным родовым строем. А тогда и представления людей об окружающем их мире, и правила их поведения были совершенно другими. Именно с этим и связаны странные, как нам кажется, особенности поведения сказочных героев. И несмотря на то, что в этих сказках действуют цари и короли, солдаты и генералы (ведь рассказчики, столетиями пересказывая сказки, конечно же, внешне осовременивали героев), они проникнуты мироощущением первобытного человека, для которого окружающая его природа была непонятной, таинственной и полной неожиданных опасностей: гуляла царская дочь в саду, вдруг налетел трехголовый Змей (вихрь неопознанной природы, Кощей Бессмертный) и унес царевну в тридцатое царство... И вот уже отправляется Иван-царевич на поиски... И ведь знает, куда идти, что говорить и как себя вести в самых невероятных сказочных ситуациях. Откуда? Что это вообще такое – тридцатое царство? Кто такие его постоянные обитатели – Баба Яга, Кощей Бессмертный, Змей Горыныч? Откуда они взялись? Почему они ведут себя во всех сказках именно так, а не иначе? Наверняка все эти вопросы возникали при чтении сказок. Мы попытаемся на них ответить в нашем очерке. Дело в том, что все эти герои родом оттуда, из мира первобытного человека, и поведение их определяется его представлениями, верованиями и обычаями. Действительно, ведь сказочные герои неповторимы, они не встречаются больше нигде – ни в мифах, ни в героическом эпосе, ни в легендах. В сказках совершенно не водятся персонажи русских мифов и преданий – все эти домовые, лешие, водяные, русалки, овиинники, кикиморы и прочие – представления о них сформировались гораздо позже. О них говорится в быличках – особой, не похожей на волшебные сказки разновидности русского фольклора. А сказочные герои намного древнее – попробуем же проследить их родословную, разобраться в их поведении и поступках.

Иван-царевич

Иван-царевич – главный положительный герой большинства волшебных сказок. Изредка, правда, он выступает под другими именами – Василий-царевич или Дмитрий-царевич, – иногда сменяется персонажами более низкого происхождения – Иваном купеческим или крестьянским сыном или даже Иваном Быковичем – незаконнорожденным отпрыском коровы, но суть его, сказочная роль и характер поступков от этого не меняются. Поэтому давайте будем, не принимая во внимание социальное происхождение, называть его самым распространенным именем – Иваном-царевичем, имея в виду основного сказочного героя, который преодолевает все препятствия и в финале сказки женится на царевне.

Итак, кто же такой Иван-царевич? Начнем с самого начала – с рождения героя. Прежде всего, он – как правило, младший сын в семье. Почему? По-видимому, дело в том, что в родовом первобытном обществе именно младший сын был хранителем и наследником семейной собственности, порядков и традиций, потому что он дольше всех оставался в семье. Старшие братья, как правило, уходили в семью брата матери. Со временем, с распадом первобытнообщинных отношений и возникновением отцовского (патриархального) права и большой патриархальной семьи, ситуация изменилась. На выделение старших братьев стали смотреть как на дробление и ослабление семьи, разрушение общего дела и разбазаривание семейной собственности. Поэтому право наследования было пересмотрено в пользу старших сыновей. Так младший сын оказался обиженным и обездоленным – ведь не зря многие сказки о трех братьях начинаются со смерти отца и раздела имущества, при котором младшему не достается почти или вовсе ничего. Естественно, что в сказках, сохраняющих наиболее древние представления, все симпатии на его стороне – он выступает как хранитель и защитник исконных родовых начал, в то время как его братья – их разрушители. Поэтому наш герой воплощает в себе идеал представлений о добродетелях человека первобытного коммунизма – он бескорыстен, доверчив, почтителен к старшим, тогда как братья – средоточие качеств, разрушивших это общество: приверженности наживе, корыстолюбия, вероломства. Вероятно, как хранитель семейного очага и родовых традиций он обеспечивает себе и покровительство мифических сил – духов материнского рода, которые помогают ему в дальнейших приключениях. С этим же связаны его близкие отношения с животными, тоже охотно помогающими ему. Дело в том, что матриархальный родовой строй был связан с представлениями о животных-тотемах – родоначальниках и покровителях племени. Обратим внимание еще на одну особенность появления на свет нашего героя: в некоторых сказках это волшебное рождение. Так, в сказке «Иван Быкович» царица, кухарка и корова рожают трех мальчиков-богатырей, поев волшебной рыбы – злагоперого ерша. Рыба в сознании первобытного человека была связана с избавлением от бесплодия из-за своей невероятной плодовитости и жизни в воде, оплодотворяющей окружающую природу. Так что уже некоторые обстоятельства рождения Ивана-царевича говорят о том, что он – не совсем простой человек. Заметим это и пойдем дальше.

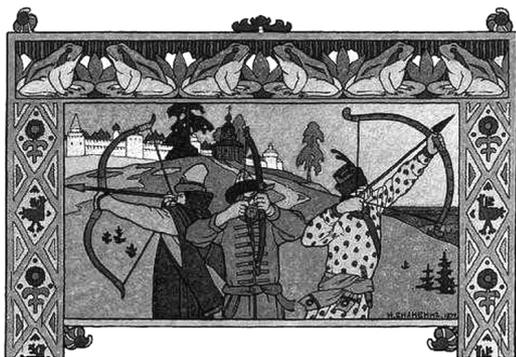
Следующий этап биографии нашего героя (детство и отрочество пропускаются, да и что на них останавливаться – ведь он растет не по дням, а по часам) – получение волшебного помощника. Это самый главный этап, после ко-

Иван-царевич на сером волке. Художник В.М. Васнецов. 1889.

Иван-царевич на распутье. Художник И.Я. Билибин. 1899.

Три брата. Иллюстрация к сказке «Царевна-лягушка». Художник И.Я. Билибин. 1899.

В других случаях умирает отец братьев и велит сыновьям дежурить на его могиле три ночи (тоже странное пожелание с нашей современной точки зрения), как, например, в сказке о Сивке-бурке. В чем же здесь дело? С отмиранием в первобытном обществе культа тотемных предков по женской линии они заменились мужскими. Поэтому дежурить на могиле отца означало совершать положенные обряды и жертвоприношения, необходимые для того, чтобы мертвец обрел покой и не вернулся. Братья и тут, как водится, сачкуют, сваливая свои обязанности на Ивана, а тот честно выполняет свой долг и получает от отца волшебного помощника, на этот раз в виде Сивки-бурки. Образ умершего отца-дарителя происходит от первобытных представлений о могуществе мертвых – ведь они находятся в ином мире, где все известно, откуда все начинается и где все кончается. К этому сюжету весьма близка история с потравой заповедного поля или сада (как в сказках о Жар-птице и Коньке-горбунке), когда герой добросовестно охраняет вверенную ему территорию, обнаруживает или ловит вора и в награду тоже получает волшебного помощника. Здесь отразились обряды, связанные с существованием у древних славян специальных заповедных полей мертвецов-предков, которые должны были отвлекать их внимание от живых.

Мы разобрали ситуации, когда герой получает волшебных помощников, не пускаясь в странствие, так сказать, с доставкой на дом. Правда, и в этих случаях путешествия ему не избежать: он обязательно либо теряет этих помощников (например, сжигая шкурку Царевны-лягушки), либо на него обрушиваются различные злоключения, и, как ни крути, приходится ему, сердешному, топтать в тридешатое царство – выручать украденную жену или невесту, выполнять задания начальства (старого царя), добывать для старого отца молодильные яблоки или еще что-нибудь. В других ситуациях Иван-царевич получает волшебных помощников непосредственно в тридешатом царстве – в подарок или крадет у Кошеч Бессмертного или Бабы Яги волшебного коня, встречает серого волка, жульническим путем завладевает скатертью-самобранкой, шапкой невидимкой, волшебной дубинкой и другими чудесными предметами.

Итак, несколько забежав вперед, мы подошли к отправке нашего героя в дальний путь – в пресловутое тридешатое царство. Здесь самое время поговорить о том, как же он туда собирается и что же такое это самое тридешатое царство. Помните, что говорит царевна, отправляясь туда? «Ищи меня за тридевять земель, в тридешатом царстве! Прежде три пары башмаков железных истопчешь, три посоха железных изломаешь, три просвиры каменных изгложешь, чем найдешь меня!» Башмаки, посох, просвиры (хлеб) – именно те предметы, которыми древние снабжали умерших, готовя их к путешествию в иной мир. То, что их три (прием утроения вообще характерен для сказок), и то, что они железные и каменные, по-видимому, должно было означать длительность пути. Все, что мы знаем о тридешатом царстве (а это царство, в котором все не так, место обитания волшебных существ и пребывания волшебных предметов) наводит на мысль о том, что тридешатое царство – это царство потустороннее, царство мертвых. Об этом мы еще поговорим подробнее, когда окажемся там вместе с нашим героем, а пока посмотрим, как же он попадает в тридешатое царство.

Три царевны подземного царства. Художник В.М. Васнецов. 1881.

Прежде всего заметим, что герой не всегда отправляется в это царство на поиски украденных родственников или по заданию руководства. Попадают в сказках ситуации (тот же Иван Быкович), когда герои сами, без всяких видимых причин, вызываются «в чуждеальные земли ехать, самим на людей посмотреть, себя в людях показать». Еще одна распространенная сказочная коллизия – мотив запродажи только что родившегося ребенка некоему таинственному существу: «отдай то, чего дома не знаешь» (в этом сюжете, кроме всего прочего, возможно, отразились первобытные представления об искупительных жертвах за нарушение запрета) или отдачи сына на обучение колдуну (как в сказках о морском царе или хитрой науке). Обратим внимание на то, что в обоих случаях сын поступает в распоряжение

сказочного чуда-юда по достижении определенного возраста.

Так как же наш герой попадает в это иное царство и почему он обязательно должен в нем побывать? Способы переправы в тридешатое царство разнообразны: Иван-царевич может отправиться туда на волшебном

того он уже становится совсем не простым человеком, дальше его дела идут как по маслу, и успех предприятия гарантирован.

Вот здесь-то самая интересная часть сказки и наибольшее разнообразие ситуаций. Попробуем разобрать наиболее типичные. Как все начинается? Иногда братья решают жениться и пускают стрелы – куда стрела упадет, там и невеста («Царевна-лягушка»). Довольно странный, на наш взгляд, способ выбора жены, не правда ли? Можно предположить две причины возникновения этого непонятного действия: одна – гадание, вера первобытного человека в судьбу; вторая связана с тем, что стрела (символ молнии) ассоциировалась с оплодотворяющим дождем и использовалась древними славянами в свадебном обряде как знамение плодородия и орудие, освящающее брачный союз. Здесь братья женятся на обычных (и довольно неуклюжих) женщинах, а Иван-царевич получает волшебного помощника в лице царевны-лягушки.

коне, на птицах (например, Ногай-птица переносит его на высокую гору), спуститься под землю (как в сказке о трех царствах – медном, серебряном и золотом) или идти за вожатым (например, за волшебным клубком), но все они отражают представления первобытного человека о странствии умершего в загробный мир.

Теперь отметим еще один весьма существенный момент: в большинстве сказок путь героя непременно лежит через дремучий лес. Здесь пора сопоставить это обстоятельство с тем, о чем мы говорили чуть раньше – о внезапном отъезде повзрослевших героев или отправке их к какой-нибудь сказочной нежити (то есть опять-таки в тот же иной мир – тридесятое царство). Сделав это, мы приходим ко второму чрезвычайно важному представлению и связанному с ним ритуалу первобытного человека, память о котором отразилась в мотивах большинства волшебных сказок. Это обряд посвящения, или инициации, через который обязательно проходят достигшие определенного возраста юноши всех без исключения первобытных племен. Обряд этот заключается в том, что юноши уводятся или отправляются в некое специальное священное место, почти всегда расположенное в лесу; непосвященным членам племени (особенно женщинам) строжайше запрещено даже приближаться к нему. Там они подвергаются ритуальным испытаниям, часто жестоким – считалось, что в ходе этих испытаний мальчик должен как бы умереть, а пройдя их, вновь родиться уже новым человеком – мужчиной, охотником, полноценным членом племени. Часто после посвящения мальчик даже получал новое имя. Именно память об этом обряде, игравшем исключительно важную роль в жизни первобытного человека, лежит в основе таких сказочных мотивов, как внезапный отъезд героев в тридесятое царство, отправка их в услужение или обучение к сказочной нечисти; отсюда же и сюжеты изгнания или увода родителями детей в дремучий лес – ничего не поделаешь, пришло время.

Для нас важно, что этот обряд сопровождался магическими ритуалами – ведь память о первобытной магии составляет основу того волшебства, с которым мы постоянно встречаемся в волшебных сказках. В представлении первобытного человека искусство охотника состоит прежде всего в том, чтобы зверь дался ему в руки, а этого, по его мнению, можно достигнуть только с помощью магии. Поэтому обучение магическим приемам, введение мальчика в магические представления, ритуалы и обряды племени составляли важную часть обряда посвящения (отсюда отправка в обучение к сказочному колдуну). В тесной связи с этим и получение героем волшебного дара (шапки-невидимки, сапог-скороходов и прочих аксессуаров сказочного героя) или волшебного помощника – обряд посвящения предполагал приобретение духа-хранителя, связанного с тотемом племени.

Что же такое этот волшебный помощник, исключительно с помощью которого Иван-царевич успешно решает поставленные перед ним задачи?

Это могут быть волшебные предметы: ковер-самолет, шапка-невидимка, скатерть-самобранка, сапоги-скороходы, волшебные дубинки, котомки, клубки, шкатулки и проч. О происхождении этих волшебных предметов существуют разные мнения, но все они так или иначе связаны с тридесятым потусторонним царством и отражают те или иные свойства его обитателей. Так, в представлении древних людей обитатели царства мертвых могли летать (ковер-самолет), становиться невидимыми для живых (шапка-невидимка), мгновенно перемещаться в пространстве (сапоги-скороходы). Кроме того, потусторонний мир, по их мнению, отличался невероятным изобилием – недаром в тридесятом царстве текут молочные реки с кисельными берегами; так что скатерть-самобранка, очевидно, представлялась кусочком этого изобилия, который в портативном исполнении можно было унести с собой.

Это могут быть волшебные животные: конь, серый волк, орел, ворон или сокол. В этой компании главная роль, несомненно, принадлежит коню, поэтому на нем мы остановимся немного подробнее.

Прежде всего, как герой приобретает коня? Его совершенно не устраивает обычный земной конь из близлежащей царской конюшни: «к какому коню ни подойдет, положит руку – тот с ног валится». Герой либо находит коня в тридесятом царстве в каком-нибудь подземелье, либо получает в подарок, зарабатывает или крадет у кого-либо из обитателей этого царства (Бабы Яги, Кощея, какого-нибудь тамошнего царя), либо сам лично выкармливает его из паршивого жеребенка на заповедных (волшебных) лугах. О получении коня в подарок мы поговорим чуть позже (в главе о Бабе Яге), а пока заметим, что сюжет выкармливания коня, вероятнее всего, ведет свое происхождение от обряда откармливания жертвенных животных, что придавало им магическую (волшебную) силу.

Что касается прочих (диких) животных, то их готовность служить герою, скорее всего, определяется их принадлежностью к тотему его племени, то есть они – духи-покровители материнского рода. Недаром в некоторых сказках (как в сказке о трех царствах) орел, сокол и ворон являются зятьями героя, то есть родственниками по женской линии. Поэтому и серый волк, слопав в общем-то ненужного обыкновенного коня Ивана-царевича, отбыл в его полное распоряжение. Основная же роль волшебных помощников-животных, помимо прочих волшебных услуг, в том, что они – посредники между двумя царствами, и переносит героя из одного в другое.

Наконец, третья разновидность волшебных помощников – это помощники-умельцы. Их Иван-царевич подбирает по дороге к месту назначения, идя свататься к какой-нибудь хитроумной и зловредной царевне. Это всевозможные объедалы, опивалы, морозилы, волшебные бегуны, стрелки и проч. Это тоже духи-покровители, но они – либо персонифицированные (очеловеченные) воплощения какой-либо одной, но зато безграничной способности, либо

Ковер-самолет. Художник В.М. Васнецов. 1880.

Богатырский скак. Художник В.М. Васнецов. 1914.

духи-хозяева стихий (мороза, ветра и других). Попадаются, правда, и такие универсальные волшебные помощники, которые объединяют в себе свойства всех трех разновидностей – например, Шмат-разум («Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что») или волшебное кольцо.

Итак, получение (тем или иным способом – это тоже важно, но об этом мы поговорим позже) волшебного помощника – решающий этап в сказочной карьере нашего героя. Теперь он магически вооружен, посвящен и избран, он – не просто какой-то заштатный царевич или богатырь, а могучий маг, единственно способный померяться силами с обитателями тридесятого потустороннего царства. После получения волшебного помощника герой уже твердо идет к намеченной цели и точно знает, как он ее достигнет. Наверное, у многих даже складывалось впечатление, что дальше герой играет пассивную роль: все за него делает помощник, а он в лучшем случае приходит на готовенькое, а в худшем – только пугается под ногами и мешает, усложняя помощнику жизнь. Это, в общем-то, неверно: волшебный помощник не является самостоятельным персонажем, он – просто персонифицированные магические способности героя. Функционально (то есть по роли, выполняемой в сказке) герой и помощник – это одно лицо. Уверенность в поведении героя определяется его магической вооруженностью, да, собственно, и само геройство его заключается в его магическом знании и силе. А вот что касается разногласий, возникающих иногда между помощником и героем, то лично мне кажется, что это – проявление противоречий между магической и человеческой сущностями героя.

Красный всадник (Полдень или Солнце). Иллюстрация к сказке «Василиса Прекрасная». Художник И.Я. Билибин. 1899.

Итак, теперь магически вооруженный и готовый ко всем предстоящим перепрягам Иван-царевич прибыл в тридесятое царство. Давайте вместе с ним остановимся на минутку и осмотримся по сторонам. Что же мы знаем об этом царстве? В разных сказках оно может находиться просто где-то очень далеко, на высокой горе или даже внутри горы, под землей или под водой, но каких-то специфических подземных или подводных особенностей в нем, как правило, нет. Часто герой, попав туда, даже удивляется: «И там свет такой же, как у нас». Древним (да, наверное, и не только древним) людям было свойственно переносить черты мира, в котором они живут, и на потусторонний мир. Интересно, что, по мере того как менялись внешние формы жизни рассказчиков, осовременивая антураж волшебных сказок (в них поселялись короли, генералы, появлялись дворцы и закрома), вся эта атрибутика автоматически переносилась и на иное царство.

Главная отличительная черта этого царства, его печать – золотая окраска всего, что к нему принадлежит. В нем стоят золотые дворцы, водятся золотые животные – олень – золотые рога, золотая коза, свинка – золотая щетинка и прочие, все предметы тоже сделаны исключительно из золота – золотые кольца, яйца, шкатулки и так далее. Да и само это царство часто золотое – скорее всего, медное, серебряное и золотое царства – всего лишь обычное сказочное утроение. Золотая окраска – это, по-видимому, выражение солнечности – ведь практически все верования древних славян были очень тесно связаны с Солнцем. Возможно, с ним же связаны и представления о неиссякаемом изобилии, царящем в тридесятом царстве. Мы уже упоминали о молочных реках с кисельными берегами и о скатерти-самобранке (представление о том, что, если принести еду оттуда, то и на земле она тоже никогда не кончится). Теперь можно вспомнить

также о вполне сказочных богатствах обитателей тридесятого царства и неиссякаемом обилии их запасов.

О том, что и почему герой делает в тридесятом царстве – общается с Бабой Ягой, побеждает Кошечу Бесмертного или Змея, решает каверзные задачи и с блеском выдерживает испытания тамошнего царя или царевны,

Василиса Прекрасная бежит из избушки Бабы Яги. Художник И.Я. Билибин. 1899.

наконец, после долгих перипетий женится на царевне и сам становится царем, – мы поговорим в следующих разделах (о Бабе Яге, Кошечке, Змее, царе и царевнах), где подробно рассмотрим его взаимоотношения с этими персонажами. А здесь напоследок остановимся еще на одной особенности поведения Ивана-царевича – весьма часто встречающемся в сказках сюжете его бегства из тридесятого царства.

Иногда это бегство вызвано похищением невесты, но иногда, казалось бы, и вовсе ничем не мотивировано (как, например, в сказке о морском царе и Василисе Премудрой): все кончилось благополучно, герой выдержал все испытания, женился на царевне – кажется, впору успокоиться. Ан нет – захотелось ему, видишь ли, домой. Ну захотелось – поезжай, кажется, зачем морскому царю ему препятствовать? Но по какой-то причине этого никак нельзя, а когда они убегают, морской царь почему-то впадает в страшную ярость и пускается в погоню. Эта погоня – магическая: она повторяется во многих сказках (меняются только преследователи – Баба Яга, Кошечей или еще кто-нибудь) и сопровождается превращениями героев или бросанием разных волшебных предметов: щетка превращается в дремучий лес, зеркало в озеро, гребень или кремень, в неприступные горы и т.д.

Скорее всего, бегство с превращениями – это более поздние сюжетные построения, хотя можно заметить, что способность превращаться в животных – свойство, достаточно часто приписываемое обитателям потустороннего мира в древнеславянских верованиях. А вот бросание предметов оби-

хода – это в чистом виде так называемая имитативная (основанная на внешнем сходстве) магия: из густой щетки возникает непроходимый лес, из зеркала, похожего на поверхность воды – озеро или река и так далее. Здесь же

встречаются отголоски другого вида магии – парциальной, основанной на представлениях о том, что часть вызывает появление целого: кремень (часть горы) – неприступные скалы, огниво – огненную реку. Во время погони преследователь преодолевает два препятствия, а третье его останавливает. Любопытно, что третьим препятствием чаще всего бывает река (иногда огненная). Видимо, это – граница потустороннего царства, и преследователь не может ее переступить, потому что его власть не распространяется на царство живых (в представлениях многих древних народов границей царства мертвых служит река).

Но что же послужило причиной такой ярости обитателей этого царства? Скорее всего, бегство – следствие похищения волшебных предметов. Это очень интересный момент, потому что он отражает совсем уж древние представления первобытного человека, когда он ничего еще не производил, а только брал насильно, похищал у природы. Недаром первые вещи, ведущие к культуре, представлялись древним людям не сделанными, а похищенными (огонь, украденный Прометеем, первые стрелы и семена у южноамериканских индейцев). Ведь более поздний обряд посвящения, о котором мы говорили, предполагал вполне мирную и добровольную передачу волшебного предмета (что тоже часто встречается в сказках). Так что мы видим, что в некоторых случаях наш положительный герой вламывается в царство мертвых как живой – возмутитель спокойствия, разрушитель и похититель, вызывая тем самым вполне естественное недовольство хозяев страны. Это один из мотивов, определяющих его отношения с обитателями потустороннего царства, но, как мы увидим дальше, они далеко не всегда складываются именно так.

Баба Яга

Кто же, возможно, скажете вы, не знает, кто такая Баба Яга? Зловредная малосимпатичная старуха, живет в лесу в избушке на курьих ножках, летает в ступе с помелом, кушает детей (вернее, пытается кушать, потому что дети ее постоянно обманывают)... В общем, несерьезный персонаж. Впрочем, иногда она помогает Ивану-царевичу советом или дарит ему что-нибудь – коня, волшебный клубок... Вот с этого и начнем.

Если посмотреть внимательнее, обнаружится, что в сказках водятся три разновидности Бабы Яги: Яга-советчица и дарительница, Яга-похитительница и пожирательница (та самая, которая норовит кушать детей) и еще один, реже встречающийся тип – Яга-воительница (например, в сказке о Белом Полянине последний тридцать лет воевал с Бабой Ягой – золотой ногой). Давайте начнем с первой разновидности, тем более что она-то и есть основная, первоначальная и наиболее тесно связанная с древнейшими представлениями, верованиями и обрядами. А это делает Бабу Ягу одним из самых сложных и интересных персонажей русских волшебных сказок.

Как и было обещано, вернемся к герою предыдущего раздела – Ивану-царевичу – в тот момент, когда он (или функционально близкий ему персонаж, скажем, купеческая дочка из сказки о перышке Финиста Ясна-Сокола) пробираясь через дремучий лес, подходит к избушке Бабы Яги. Как же описывается в сказке эта избушка? «Стоит избушка на курьих ножках, без окон, без дверей, к лесу передом, к нему задом». Ну хорошо, казалось бы, подошел ты к избушке сзади – обойди ее и войди. Но почему-то этого сделать никак нельзя. И Иван-царевич произносит всем известную формулу: «Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом». При этом он точно знает, что именно надо сказать, потому что избушка послушно поворачивается. Что же он видит? «На печи лежит Баба Яга – костяная нога, из угла в угол, нос в потолок врос». Тоже странно, не правда ли?

Ведь Баба Яга, кажется, в русских сказках никогда не представлялась особенной великаншей. Значит, это не Баба Яга такая большая, а избушка очень маленькая? Чем же объясняются все эти странности? А объясняются они тем, что Баба Яга – мертвец. И лежит она в тесной избушке, как в гробу, и то, что эта избушка поднята над землей на своих курьих ножках, наводит на мысль о воздушных погребениях древних славян – они хоронили своих покойников в лесу на деревьях или специальных помостах. И костяная нога – нога скелета – тоже признак мертвеца.

Есть и еще некоторые косвенные признаки, говорящие в пользу этого предположения. Например, практически нигде в сказках не говорится о том, что Баба Яга ходит – она либо лежит, либо летает, а это тоже признаки обитателей потустороннего мира. И то, что она редко видит героя, а в основном чует по запаху, говорит о том же. И избушка ее, которая стоит где-то на краю света, в самом дремучем лесу и которую никак нельзя обойти – это «пограничный пост», сторожевая застава на границе двух царств – царства живых и царства мертвых.

Баба Яга. Заставка к сказке «Василиса Прекрасная». Художник И.Я. Билибин. 1900.

Избушка Бабы Яги. Фрагмент обложки серии «Сказки». Художник И.Я. Билибин. 1899.

Девушка в лесу. Иллюстрация к сказке «Перышко Финиста Ясна-Сокола». Художник И.Я. Билибин. 1900.

Изда смерти. Фрагмент. Художник Н.К. Рерих. 1905.

Баба Яга – это очень древний персонаж, уходящий корнями во времена матриархата. Ей во многом присущи черты древнейшего тотемического женского предка, поклонение которому было связано с животными-прародителями и покровителями племени и с культом природы. Ведь недаром в сказках ей часто подчиняются и служат животные (кстати, и куриные ноги ее избушки напоминают о связи с ними), да и сама она, возможно, сохранила черты животных предков. Конечно, это спорный вопрос, но некоторые исследователи ведут родословную Бабы Яги от древнеславянской богини смерти, которая состояла в тесном родстве со змеей – символом смерти у некоторых племен. Возможно, и костяная нога происходит оттуда – предполагают, что Яга была первоначально одноногой, а потом уже преобразовалась в костеногую. И даже имя ее выводят из общих арийских корней древних славян – от древнеиндийского санскритского Ахи – змей. Что же, очень может быть, ведь наша сказочная Баба Яга в весьма дружеских и даже родственных отношениях со своим коллегой – Змеем Горынычем. А вот черты женского предка – духа-покровителя племени проявляются у нее в том, что она вещая – все знает и направляет героя по правильному пути, могущественная колдунья, советчица и помощница. Как семейному духу-покровителю, связанному с культом домашнего очага, ей присущи кухонные атрибуты – печь, ступа, пест (древние славяне не мололи, а толкли зерно) и помело.

«Тут с веселюю душою попрощался он с Ягою». Иллюстрация к «Сказке о трех царских дивах и об Ивашке, поповском сыне» А.С. Рославлева. Художник И.Я. Билибин. 1911.

Однако вернемся к дружескому общению наших героев. Мы установили, что избушка Бабы Яги – это «контрольно-пропускной пункт» в царство смерти. Именно поэтому ее никак нельзя обойти, а нужно обязательно пройти через нее и, чтобы попасть в это царство, необходимо пройти определенные испытания, продемонстрировав достаточные магические знания. Первую часть пароля Иван-царевич уже произнес, повернув избушку. Что же происходит дальше? А дальше Баба Яга изрекает тоже традиционное, всем известное: «Фу-фу-фу, что-то русским духом пахнет!». Что же это за русский дух такой, столь неприятный для нее? Видимо, это – запах живого человека. Судя по всему, древние люди считали, что для мертвецов запах живого человека так же противен, как для живых – запах покойника.

Потом начинается допрос: «Куда ты, добрый молодец, идешь? Дело пытаешь али от дела лытаешь?». Герой на эти, казалось бы, вполне невинные и естественные вопросы реагирует весьма неожиданно и агрессивно – вместо того, чтобы ответить, он переходит в наступление: «Ах ты, карга старая!

Сначала напои-накорми добра молодца, а потом уж выпрашивай!». И тут поведение Бабы Яги вдруг резко меняется: она начинает суетиться, приглашает Ивана-царевича в дом, сажает за стол и так далее. В некоторых сказках она даже предает самокритике: «Ах я дура старая! Не накормив добра молодца, да расспрашиваю!». Интересно, что этот мотив кормления – обязательный элемент встречи героя с Бабой Ягой, присутствующий во всех без исключения сказках. В чем же тут дело? Почему он должен непременно питаться у Бабы Яги? Что, в другом месте поесть нельзя было? Конечно, можно было бы предположить самое простое – обычное проявление гостеприимства по отношению к путнику, но обязательность этой процедуры и то, что мы уже знаем, наводят на мысль о том, что эта еда носит какой-то ритуальный характер. Действительно, в мифологических представлениях очень многих народов (в том числе и древних славян), человек для того, чтобы попасть в царство мертвых, должен непременно отвезти специальной еды мертвецов. После этого он считается уже полностью приобщившимся к потустороннему миру. Поэтому Иван-царевич, требуя у Бабы Яги еды, тем самым показывает, что не боится этого приобщения, готов к нему – и Баба Яга смиряется, окончательно принимая его за своего.

Потом, как известно, начинаются расспросы – Баба Яга берет подробное интервью у героя о целях его путешествия. В итоге оказывается, что она в курсе дела («знаю, знаю, где твоя Василиса прекрасная») и дает Ивану-царевичу точные и подробные указания о том, куда ему идти, что делать и как достичь намеченной цели. Иногда, правда, она прибегает к помощи животных: созывает свою «сеть информаторов» – зверей рыскачих, птиц летучих, гадов ползучих и так далее, демонстрируя свои тотемические корни.

В одних случаях помощь Бабы Яги ограничивается инструкциями, в других за ними следует волшебный подарок – чаще всего это конь, иногда волшебный клубок, шапка-невидимка или еще что-нибудь; но даже если подарок и не преподносится сразу, то в результате выполнения полученных инструкций герой все равно его получает. Почему же Баба Яга оказывает пришлому царевичу такую неоценимую услугу в виде консультативной и магической (волшебной) помощи? Потому что он выдержал испытание и продемонстрировал свою магическую компетентность и силу: знал заклинание, повернувшее избушку, и не испугался пищи Бабы Яги, приобщив себя к обитателям потустороннего царства.

Как мы видим, в этой ситуации Баба Яга выступает как сугубо положительный персонаж, помогающий основному герою достичь его благородных целей. И эта ее роль объясняется тем, о чем мы уже говорили, – происхождением от древнейшего тотемического женского предка, духа-покровителя рода, всеведущего и всемогущего. Отсюда же и дарение волшебных помощников – магическое покровительство герою и охрана его от злых духов. Так как же ее угораздило превратиться в этакую злыдню-людоедку, которая водится во множестве других сказок? Чтобы это понять, перейдем ко второй разновидности Бабы Яги – Яге-похитительнице и пожирачительнице – и попробуем проследить связь между этими двумя ипостасями нашего персонажа.

Для этого нам придется снова обратиться к представлениям первобытных людей об обряде посвящения, который мы описали в предыдущем разделе. Легко заметить, что гастрономические наклонности Бабы Яги этой разновидности направлены, главным образом, на детей и связаны с попаданием этих детей тем или иным способом (уходом, уводом или похищением) в дремучий лес в пресловутую избушку на куриных ножках: то есть здесь мы видим

все особенности обстановки, окружающей обряд посвящения. Образ Бабы Яги-пожирательницы самым тесным образом связан с этим обрядом – ведь мы уже упоминали о том, что сущность посвящения заключалась в символической смерти и последующем возрождении проходящего его мальчика. Кстати, здесь следует обратить внимание на то, что на обед к Бабе Яге неизменно попадают именно мальчики – ведь только они проходят обряд инициации. Так что в сказках об этой Яге очень живо отразилась сохранившаяся с первобытных времен память об этом обряде: дремучий лес, откуда исходит какая-то таинственная и неизбежная опасность, избушка – обиталище загадочного мифического существа, страх перед предстоящим обрядом...

Ну хорошо, скажете вы, а при чем же здесь поедание детей? Дело в том, что очень часто мнимая смерть посвящаемого представлялась как пожирание неким мифическим чудовищным животным, а последующее возрождение к жизни – извержением из его чрева. Такими служебными обязанностями в этой категории сказок Баба Яга тоже обязана своим происхождением от древнего тотемического животного предка. С этими представлениями мы еще встретимся в разделе о Змее Горыныче, который в некоторых ситуациях может выступать как заместитель или дублер Бабы Яги. Воспоминания об обряде посвящения, видимо, отразились и в том, что в сказках за попаданием к Бабе Яге всегда следует благополучное завершение: герой избегает грозящей ему опасности и обретает всяческие блага – вступление прошедшим посвящение человеком в полноправные члены племени и предоставление ему привилегий, которыми он прежде не обладал.

Утраченная Бабой Ягой в этих сказках положительная роль покровительницы и помощницы, как это ни странно, возможно, отразилась и в той детали, что она предпочитает употреблять попавших к ней детей исключительно в жареном виде. У славянских племен до сравнительно позднего времени сохранялся обычай так называемого «паланья» детей, связанный с представлениями о целительной силе огня, – ребенка слегка «припекали» в печи, что якобы делало его более крепким и устойчивым к болезням. Так что и здесь, похоже, Баба Яга первоначально была помощницей и целительницей, а вовсе не злойней.

Таким образом, связь представлений о Яге-помощнице, советчице и дарительнице, страже границы царства мертвых, и Яге-пожирательнице, исполнительнице обряда посвящения, начинает проясняться. Эта связь – в родстве представлений первобытного человека о подлинной смерти с последующим путешествием в потусторонний мир и смерти временной, мнимой, которой он подвергался в обряде посвящения. Кстати, и обретение магических знаний и магической вооруженности (получение волшебного помощника) после пересечения границы потустороннего царства и прохождения обряда посвящения (в обоих случаях – после общения с Бабой Ягой) роднит эти представления.

Но мы опять видим, что первоначально во всех этих ситуациях Баба Яга играла положительную роль. Что же все-таки произошло? А произошло, скорее всего, вот что. Крушение авторитета Бабы Яги как древнейшего тотемического родового предка – это отражение в сознании людей, а следом за этим – в мифах и сказках крушения матриархата и появления земледелия и земледельческой религии. Для древнего человека лес перестал быть домом и источником средств существования, родным и понятным, а потому все персонажи прежней лесной религии превратились в сплошную нечисть: великий маг и шаман племени – в злого колдуна, мать-покровительница и хозяйка зверей – в зловредную ведьму, затаскивающую в свое логово детей с целью уже отнюдь не символического съедения.

Так что, возможно, нам удалось отчасти реабилитировать в ваших глазах Бабу Ягу: древнейшие, изначальные исторические корни этого сказочного персонажа идут от благой, положительной роли, которую она играла в верованиях наших предков. А уж представление о ней как о ведьме-людоедке, которое затем и вовсе получило иронический оттенок (в позднейших бытовых сказках Баба Яга и умом не блещет – дети ее постоянно оставляют в дураках, да и от волшебной силы ее остались только ступа да помело), сложилось в значительно более поздние времена.

И в заключение несколько слов о третьей разновидности Бабы Яги – о Яге-воительнице. Скорее всего, этот редко встречающийся в сказках персонаж не имеет самостоятельного значения и выступает просто как чей-то заместитель: по роли, которую он играет в сказке, на его месте мог бы быть кто угодно – Змей Горыныч, Кошей Бессмертный, какой-нибудь сказочный царь или король. Недаром же в сказке о Белом Поляныне эту разновидность можно принять за представительницу некой бабье-яговой аристократии и полноправную гражданку тридцатого царства: там она – Баба Яга – золотая нога.

Кошей (Кашей) Бессмертный

Сей великий сказочный злодей – еще один персонаж, знакомый всем нам с самого раннего детства. И, однако, давайте попробуем подытожить, что же мы о нем знаем из прочитанных волшебных сказок? Хотя практически нигде в этих сказках не встречается описание внешности Кошея, мы привыкли представлять его себе высоким, костлявым, невероятно худым стариком – недаром говорят: «Худ как кошей», – с запавшими горящими глазами, иногда с жидкой козлиной бородашкой.

Основной род занятий Кошея Бессмертного – похищение женщин. Не правда ли, при упоминании об этом сказочном герое в нашем воображении возникают мрачные замки с подземельями, полными пленниц, и сундуки с несметными богатствами, которыми он безуспешно пытается этих пленниц соблазнить? И, конечно же, неперенные атрибуты его бессмертия – стандартная сказочная матрешка: смерть, спрятанная в яйце, яйцо в утке, утка в зайце и

Баба-Яга. Иллюстрация к сказке «Сынко Филиппо». Художник Е.Д. Поленова. 1905.

Баба Яга. Иллюстрация к сказке «Василиса Прекрасная». Художник И.Я. Билибин. 1900.

Кощей. Фрагмент.
Художник С.В. Малютин. 1904.

Кощей Бессмертный. Художник В.М. Васнецов.
1917–1926.

так далее. И ведь вот такая ирония сказочной судьбы – несмотря на декларированное бессмертие, его во всех сказках в обязательном порядке убивает наш старый знакомый Иван-царевич. Давайте попробуем разобраться в происхождении нашего отрицательного персонажа. Прежде всего, откуда взялось само его имя – Кошей? Оказывается, в древнерусском языке слово кощей означало раб, пленник, слуга. Именно в этом смысле оно употребляется в знаменитом «Слове о полку Игореве», когда Святослав укоряет князя Всеволода за его равнодушие к судьбе русских княжеств – поступи Всеволод иначе, настали бы иные, лучшие времена: «Аже бы ты был, то была бы чага по ногате, а кощей по резане». Иными словами, наступило бы время фантастической дешевизны на невольничьем рынке (ногата и резана – мелкие денежные единицы в древней Руси, чага – невольница, полонянка, а кощей, соответственно, – невольник, раб). И в другом месте: «Стреляи, господине, Кончака, поганого кощейа, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святославича!» Кончак здесь назван рабом, а галицкий Ярослав – господином. И еще: «Ту Игорь князь выседе из седла злата в седло кощеёво», то есть пересел из золотого, господского седла в седло рабское.

С другой стороны, слово кощей могло быть производным от имени Кош: кошей – принадлежащий некому Кошу (Кош – господин невольника Кошея). Вот этот Кош и есть древнейшее, изначальное имя Кошея. Оно и поныне иногда встречается в некоторых сказках (например, в сказке о Кошее из собрания А.Н. Афанасьева он назван Кошем Бессмертным). Что же это за Кош? Оказывается, в период распада первобытнообщинного общества кошами называли первых господ, захвативших власть и учредивших институт рабства. Это слово происходит от общеславянского корня кошь (старославянское кошь, кошь) – костяк, основа, корень рода – родовой старейшина, старший в семье, ставший господином. Он основатель семьи, на нем все держится, все последующие поколения – его «кость». В украинском языке это значение сохранилось до позднейших времен: кош – стан, поселение, кошевой – старшина, начальник коша. Возможно, именно с этими этимологическими корнями имени Кошея связаны также и ассоциации с его невероятной худобой (костлявостью) и глубокой старостью.

Кощей Бессмертный. Иллюстрация к сказке «Марья Моревна, заморская королева».
Художник И.Я. Билибин. 1901.

Вот здесь-то и начинает проявляться отрицательная роль нашего персонажа. В глазах первобытных людей, приверженных примитивной справедливости родового материнского общества, Кошей был воплощением силы, нарушившей древние порядки родового равноправия и отнявшей у женщины ее социальную власть. Отсюда происходит и неистребимая склонность Кошея Бессмертного к похищению и порабощению женщин, и его власть – ведь Кошей в сказках, как правило, представляется владыкой, царем своего темного царства, и с ним ассоциируются и обладание несметными богатствами, и жадность, и жестокость. Кошей был олицетворением социальной несправедливости и неправды, отцовского права насилия и стяжательства, символом крушения родового справедливого общества и замены его классовым. Возможно, и бессмертие его воплощало бессмертие несправедливости, насилия и наживы в человеческом обществе, а смерть этого «бессмертного» героя – вековую мечту человечества о том, что когда-нибудь эти порядки все-таки рухнут,

как рухнет темное царство Кошея после его гибели. О том, что представления о бессмертии этого персонажа связаны с какими-то глубинными, вечными понятиями, говорит и то, что смерть Кошея спрятана в яйце. Ведь яйцо – начало жизни, непереносимое ее звено, дающее возможность непрерывного размножения, и только раздавив, уничтожив его, можно положить этой жизни конец.

Вероятно, позднее, в период непрерывных войн славян с племенами кочевников, на эти представления о Кошее наложилось восприятие его как врага, супостата, которые уже связывались с более поздним значением этого слова – раб, пленник. И действительно, в некоторых сказках (например, в сказке о Марье Моревне), Кошей фигурирует как пленник, которого, вопреки запрету, освобождает наш незадачливый Иван-царевич. Своеобразный взгляд на Кошея у выдающегося собирателя и знатока русских народных сказок Александра Николаевича Афанасьева. Он видит в Кошее демона – иссушителя дождевой влаги (отсюда его сухость, худоба), олицетворение зимы, темных туч, скованных стужей. И значение его имени происходит оттуда же – ведь недаром говорят: «Окостенел от холода». И рассказ о смерти Кошея Афанасьев связывает с представлениями славян о дубе – дереве бога-громовержца Перуна, и в яйце видит метафору солнца, убивающего зиму, а в бессмертии его – непрерывное возрождение зимы в природе. В подтверждение такой точки зрения Александр Николаевич обращается все к той же Марье Моревне. Действительно, там пленник-Кошей висит в железных це-

пях (туча, скованная морозом) и срывается с них, только напившись воды (напитавшись весной дождевой влагой). Волшебными помощниками Ивану-царевичу в этой сказке служат орел, сокол и ворон, которые олицетворяют силы ветра, грома и дождя, и в конце концов Иван-царевич (бог-громовник) копытом коня (ударом молнии) убивает Кощея (уничтожает тучу, заставляя ее пролиться весенним дождем).

По своей сказочной роли Кощей Бессмертный во многом – близкий родственник и зачастую дублер Змея Горыныча (они часто заменяют друг друга в разных сказках). Это относится к похищению царевен и всяческим козням, учиняемым положительным сказочным героям. Многие черты Кощея характеризуют его как типичного представителя тридесатого потустороннего царства: он чует русский дух, летает, несметно богат и обладает магической силой. Своеобразие этого персонажа связано в первую очередь с представлением о его «бессмертии»: герой не вступает с ним в прямую схватку, ввиду бесперспективности этого занятия, а должен победить его, выполнив одну из трудных задач, – найти и добыть смерть Кощея, что он и делает с помощью волшебных помощников, одним из которых всегда бывает похищенная и живущая у Кощея царевна. Именно она, как правило, охмуряет Кощея, выведывая у него, где спрятана его смерть и как ее раздобыть. Но об этом мы еще упомянем в разделе о царевне.

Змей Горыныч

Наверное, нет другого существа, которое играло бы такую колоссальную роль в мифологических представлениях всех без исключения народов Земли, как Змей.

Поэтому удержимся от искушения проводить какие-либо параллели с мифологией и обратимся исключительно к нашему родному Змею Горынычу русских народных сказок. Прежде всего, мы обнаруживаем, что этот персонаж, собственно говоря, нигде в сказках толком не описывается. Хотя некоторые приметы преступника все же имеются. Он многоголовый: как правило, три, шесть, девять, двенадцать голов, хотя изредка попадаются пяти- и семиглавые экземпляры. Пожалуй, это его основная отличительная черта. Остальные лишь иногда упоминаются: он летучий, огнедышащий (огнем палит) и, по-видимому, как-то связан с горами, о чем говорит его фамилия (или отчество?) – Горыныч – живущий в горах, сын горы. Здесь, правда, надо иметь в виду, что в древности общеславянское слово гора означала не только собственно гору, но и вообще верх, а также могло употребляться в значении лес. Так что прозвище Горыныч могло означать и «живущий наверху», и «лесной». Очень может быть, что этот самый Змей Горыныч в сознании обитающих в лесах славянских племен ассоциировался с лесными пожарами, вызываемыми ударом молнии. Об этом говорит и его постоянная связь с огнем, и описание его полетов – олицетворение злой природной стихии: поднимается буря, гром гремит, земля дрожит, дремучий лес долу клонится – летит трехголовый Змей. По мнению А.Н. Афанасьева, летучий огненный Змей ассоциировался со змееподобной извивающейся молнией. Вообще разнообразные ассоциации с огнем возникают практически при всех появлениях в сказках этого персонажа. Свойства огня напоминают и неистребимая склонность Змея все глотать, и его многоголовость, и способность все время отращивать новые головы взамен отрубленных (как в пламени появляются все новые языки), и огненный палец, с помощью которого производится выращивание голов (срубил огненный палец – победил Змея). Огонь ползет подобно змею и кусается тоже подобно змею. В сказке «Иван Быхович» главный герой категорически запрещает своим побратимам спать перед встречей со Змеем.

Может быть, это память о реальной опасности, подстерегавшей первобытного охотника, уснувшего в лесу у костра, и нарушившего запрет спать перед огнем?

Вполне возможно также, что с огнем отчасти связаны и своеобразные отношения Змея с женщинами. С одной стороны, он действует как похититель и насильник (дублируя во многих сказках Кощея), с другой – как соблазнитель: отдельные несознательные героини сказок охотно вступают в связь со Змеем, объединяясь с ним в разработку козней против положительного героя. Связь женщины со Змеем-огнем – это, вероятно, отголосок той роли, которую женщина как хранительница огня играла в первобытном обществе. Хотя, как знать, возможно, в этой ипостаси Змея отразились и позднейшие, уже навеянные христианской мифологией, представления о Змее-искусителе? Ведь свои коварные донжуанские функции в сказках он выполняет в respectableм облике прекрасного доброго молодца, а не огнедышащего громилы-дракона. Но мы отвлеклись. С огнем у первобытных племен были связаны и представления о плодородии. У славян известен обряд, заключающийся в том, что бесплодным женщинам давали выпить воду, в которую упали искры от головни из очага.

Память о первобытных обрядах жертвоприношений богам плодородия, производившихся с целью воздействия на будущий урожай, вероятно, отразилась и в сказочных сюжетах о поборах Змея, когда он требует девушек в качестве ежегодной дани. С отмиранием этого обряда, когда развились новые формы земледелия и новые семейные и социальные отношения, симпатии их с духа-поглотителя перенеслись на жертву. Вот тогда и появился герой-освободитель, убивающий Змея и спасающий сказочную красавицу. Мотив змееборства, как и трансформация

Змей Горыныч. Открытка. Художник И.Я. Билибин. 1912.

Фрагмент обложки серии «Русские народные сказки». Художник И.Я. Билибин. 1899.

Змиевна. Художник Н.К. Рерих. 1906.

Бой Добрыни Никитича с семиглавым Змеем Горынычем. Художник В.М. Васнецов. 1913–1918.

Добрыня Никитич освобождает от Змея Горыныча Забаву Путятичну. Художник И.Я. Билибин. 1941.

Бой Ивана-царевича с трехголовам Змеем. Художник В.М. Васнецов. 1918.

затем начинается сам бой. В нем любопытна тактика ведения боевых действий нашими героями: богатырь старается отсечь Змеем головы, Змей же не использует никакого оружия, а норовит вколотить супостата в землю. В третьем, самом страшном, бою на помощь герою приходит его волшебный помощник – богатырский конь. При его содействии Быковичу удается отрубить Змеем огненный палец, после чего отсечение оставшихся без механизма регенерации голов становится вопросом техники.

Смертный бой со змеем трехголовам. Открытка. Художник Б.В. Зворыкин. 1916.

дением человека. «Рожденный от Змея», прошедший сквозь него посвященный сам становится в какой-то степени Змеем и приобретает магическую связь с ним. Вот почему Змеем заранее известен будущий противник и погубитель – рожденный от него и единственно могущий его убить. Возможно, именно поэтому Змей вколачивает героя в землю – пытается вернуть его «во прах», из которого тот вышел, поэтому же решающую роль в победе над Змеем играет волшебный помощник героя – победа носит магический характер. С исчезновением обряда смысл его был утрачен и забыт, но память о самом обряде осталась. Однако поглощение Змеем уже рассматривалось не как благо, а как весьма неприятная угроза – возник мотив змеборства, о котором мы уже говорили.

Вообще же Змей, как и многие другие мифические и сказочные существа, представлял собой механическое соединение нескольких животных, основные из которых – птица и змея. Птица в сознании древнего человека ассоциировалась с далеким царством, а змея – с подземным. Это два основных животных, связанных с

представлений о Бабе Яге, по-видимому, появился с крушением матриархальных отношений и появлением патриархальной семьи. Он отражал отрицание родовых отношений, при которых женщина принадлежала не отдельному лицу, а всему роду. Появилось стремление отнять женщину, завоевать право на нее. Змеборец побеждал древнего владыку огня, чтобы взять у него женщину.

Однако какова же роль этого сказочного персонажа? Он, как и Баба Яга и Кощей Бессмертный, – полноправный обитатель тридесятого царства. Давайте попробуем проследить развитие его взаимоотношений с главным положительным героем по той же сказке «Иван Быкович», в которой они описаны наиболее подробно.

Вот герои приезжают к реке Смородине, калиновому мосту. По какой-то причине этот мост никак нельзя переехать («по всему берегу лежат кости человеческие, по колено будет навалено»). Поэтому герои располагаются в подвернувшейся избушке и начинают ходить в дозоры – караулить Змея. Можно предположить, что этот калиновый мост, как и избушка Бабы Яги – пограничная застава, а река Смородина – некая граница, пересечь которую можно, только убив Змея. Так что Змей, помимо всего прочего, как и Баба Яга, несет сторожевую службу, только Баба Яга охраняет периферию, а Змеем – самое сердце тридесятого царства.

Но вот наши герои наконец встречаются. И тут выясняется интересная деталь – Змей заранее знает и о том, кто его противник, и о предрежденной гибели от него: «Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, что ты, воронье перо, трепыхаешься, что ты, песья шерсть, щетинишься? Али вы думаете, что Иван Быкович здесь?». Тут появляется Иван Быкович, и между противниками происходит хвастливая перебранка; затем начинается сам бой. В нем любопытна тактика ведения боевых действий нашими героями: богатырь старается отсечь Змеем головы, Змей же не использует никакого оружия, а норовит вколотить супостата в землю. В третьем, самом страшном, бою на помощь герою приходит его волшебный помощник – богатырский конь. При его содействии Быковичу удается отрубить Змеем огненный палец, после чего отсечение оставшихся без механизма регенерации голов становится вопросом техники.

Каково же происхождение сего своеобразного ритуала, повторяющегося практически во всех волшебных сказках? Откуда Змеем известно имя противника? Чтобы понять это, нам придется снова обратиться к первобытному обряду посвящения, в котором имитируется проглатывание посвящаемого неким чудовищным животным, часто, кстати, имеющим сходство со змеей. «Проглоченный» и «извергнутый обратно» человек приобретает магическую силу и власть над некогда проглотившим его животным. В мифах очень многих первобытных народов из Змея выходит великий охотник и великий шаман. При этом, как мы уже говорили, в обряде посвящения выход из чрева Змея представлялся вторым рождением человека. «Рожденный от Змея», прошедший сквозь него посвященный сам становится в какой-то степени Змеем и приобретает магическую связь с ним. Вот почему Змеем заранее известен будущий противник и погубитель – рожденный от него и единственно могущий его убить. Возможно, именно поэтому Змей вколачивает героя в землю – пытается вернуть его «во прах», из которого тот вышел, поэтому же решающую роль в победе над Змеем играет волшебный помощник героя – победа носит магический характер. С исчезновением обряда смысл его был утрачен и забыт, но память о самом обряде осталась. Однако поглощение Змеем уже рассматривалось не как благо, а как весьма неприятная угроза – возник мотив змеборства, о котором мы уже говорили.

представлениями о душе человека. Поэтому Змей связан с образом смерти – представлениями о смерти как похищении души. Поэтому и в сказках он постоянно играет роль похитителя, отсюда же его функция символического пожирателя в обряде посвящения. Возможно, и его многоголовость – много пастей – это преувеличенный образ пожирания (прием усиления качества через множество).

Продолжение следует

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В.П. Русская народная сказка. М., 1977.
2. Афанасьев А.Н. Живая вода и вешее слово. М., 1988.
3. Афанасьев А.Н. Дерево жизни. М., 1983.
4. Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.
5. Гаврилов Д.А., Ермаков С.Э. Боги славянского и русского язычества. М., 2009.
6. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
7. Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М., 2004.
8. Никольский Н.М. Дохристианские верования и культы днепровских славян. М., 1929.
9. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.
10. Потехина А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914.
11. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
12. Русская мифология: Энциклопедия / Сост. Е.Л. Мадлевской. М. – СПб., 2005.
13. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
14. Славянская мифология: Энциклопедический словарь. 2-е изд. / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2002.
15. Слово о полку Игореве / Древнерусский текст, объяснительный перевод Д. Лихачева, поэтические переложения Л. Дмитриева, В. Жуковского, Н. Заболоцкого, комментарии. М., 1987.
16. Соболев А.Н. Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913. Репринт / Мифология славян. СПб., 1999.
17. Сумаруков Г. Кто есть кто в «Слове о полку Игореве». М., 1983.
18. Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. М., 2003.
19. Фаминцын А.С. Божества древних славян. СПб., 1884 / Репринт. СПб., 1995.
20. Шеппинг Д.О. Мифы славянского язычества. М., 1997.

*Иллюстрация к сказке «Иван-царевич и Жар-птица».
Художник И.Я. Билибин. 1899.*